

Историческое знание в поисках аутентичности

В.И. Дурновцев

Исторический источник как объект природы и культуры

В статье исследуется феномен постоянного «присутствия» в новейших научно-исследовательских практиках идей и принципов, характерных для XIX – начала XX в. В частности, речь идет об основополагающих для научно-исторического знания представлениях об исторических источниках, культурных информационных ресурсах исторической науки. Признается историографическое значение предметности теоретических подходов к историческому материалу науки. Однако развитие идей глобального эволюционизма, понимание исторического характера природных законов, а также успехи глобальной и экологической истории позволяют существенно расширить традиционные представления об источниках исторической информации.

Ключевые слова: историография, исторический источник, методология истории, природа, культура, Леопольд фон Ранке, А.С. Лаппо-Данилевский, школа «Анналов».

Историография – теоретическая и эмпирическая (реальная, практическая) – два вектора научного освоения исторической реальности.

Первая продуцирует многоликие образы исторического процесса и познания. Иногда она похожа на фабрику с безостановочно работающим конвейером. Из ворот ее цехов выходят глобальные, региональные, локальные концепции исторического развития, историософские схемы, методологические конструкции. Здесь правят бал объяснение, истолкование, репрезентация.

Не то чтобы теоретическая историография была спекулятивной, самодостаточной и отчетливо созерцательной; ей не чужды конкретные факты, явления, события прошедших веков. Она с легкостью оперирует историческими понятиями. Но собственно исторические источники, документы, а тем более «история в цифре»

(Джон Тош) по большей части выступают в роли обслуги на этом пире идей, на котором непрременные и самые почетные гости – философы, социологи, а в последнее время мастера политологии и культурологии. Время от времени приглашаются и историки; многим из них неуютно на празднике, они так и норовят уйти «по-английски». Впрочем, некоторые остаются и без труда обживаются в новой для них роли прорицателей не только и не столько прошлого, сколько отдаленного будущего.

Во второй, сосредоточенной на реконструкции исторической действительности высшим авторитетом считается исторический источник – «остаток прошлой жизни», «предание», «свидетельство о прошлом», «след», «памятник», «документ». И «реализованный продукт человеческой психики», и всё, что потенциально и в соответствии с научными представлениями своей эпохи содержит сведения, доступные для исторического изучения, включая природно-географическую среду, материалы естественного происхождения, в конечном итоге – объекты природы и объекты культуры.

В древности исторические сведения отождествлялись с любыми свидетельствами божественного, природного или человеческого происхождения. Много позже под «припасами» истории стали понимать результаты культурно-исторической деятельности людей. Время от времени культуру отделяли от природы, не принимая в расчет, что человеческая история выросла из природы, что сама идея природы, как заметил однажды британский и уэльский писатель и теоретик культуры Реймонд Уильямс, содержит, хотя часто незамеченное, экстраординарное количество человеческой истории¹.

Сейчас, когда одним из важнейших направлений мировой историографии стала экологическая история (Environmental History), объектом которой является взаимодействие Человека и Природы, человеческой культуры и окружающей ее среды в прошлом, когда междисциплинарные подходы единодушно признаны могучим средством научного познания, когда проблематика глобальной истории, исследующей историю человечества в контексте социоприродной динамики, стала предельно актуальной, когда, кажется, стал очевидным исторический характер самих природных законов (идеи глобального эволюционизма), отделение объектов природы от объектов культуры в процессе научно-исторического познания представляется контрпродуктивным.

Но нас в данном случае занимает феномен постоянного «присутствия» в новейших исследовательских и образовательных практиках методологических идей и принципов, сформулированных в период утверждения статуса истории как науки. И все это,

несмотря на колоссальные изменения во второй половине XX – начале XXI в. в мировой историографии.

Например, это может быть «казус» Л. фон Ранке.

Хорошо известны жесткие, полные сарказма выступления основателей «Анналов» с критикой патриарха германской историографии и всей его позитивистской «исторической школы». Между тем удивительным образом в современной историографии ранкеанские идеи реабилитируются в тысячах и тысячах добротных больших и малых исследовательских опытах, а освоение оставленного наследия сплошь и рядом рассматривается *conditio sine quonon* профессиональной подготовки историка и его дальнейшего роста. Прав Х. Уайт: из реальности своего времени Ранке сделал идеал на все времена.

Ближе всего к этим идеалам были Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, авторы знаменитого «Введения в историю». Ю.И. Семенов в предисловии к его переизданию «Введения в историю» уверен: в нем содержатся идеи, которыми должен руководствоваться каждый специалист в области истории. «Авторы исходят из положения, которое никогда не устареет и никогда и никем не будет опровергнуто. Оно заключается в том, что прошлое человечества не зависит от сознания историка... Воссоздать исторический процесс таким, каким он был на самом деле, можно лишь при условии тщательнейшей критики исторических источников и тем самым скрупулезнейшего установления достоверности исторических фактов. Как раз книга Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса и учит этому. Основной принцип, который положен в ее основу, – обеспечение максимальной объективности исторического знания. А вот этого у нас сейчас крайне не хватает. И названный труд ценен тем, что он может способствовать избавлению нашей исторической науки от субъективизма и тем самым восстановлению уважения к ней»².

А.К. Соколов, наблюдая за судьбами отечественного источниковедения, обращая внимание на особое место в нем *письменных* текстов, отмечает: «Из Франции и Германии многие [ранкеанские] идеи перекочевали в Россию, положив начало отечественному источниковедению. Установление происхождения, подлинности и аутентичности источника (внешняя критика), оценка достоверности сообщаемых в них свидетельств (внутренняя критика) составили сердцевину такого источниковедения». А.К. Соколов называет сформированные под прямым воздействием Л. Ранке исследовательские установки застывшим позитивизмом и не видит в них ничего предосудительного, в отличие от антипозитивистского запала. «Позитивистская ориентация оказывает благотворное воздействие на развитие исторических знаний. Она хорошо

совпадает с начальными этапами исторического исследования и несет поэтому ученические функции. Это – школа»³.

О том же пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев:

Позитивистские критерии научности исторического исследования во многом до сих пор определяют научную этику исторического сообщества и предлагают ориентиры, пользуясь которыми можно отличить историка-ученого от идеолога, легитимизирующего настоящее с помощью прошлого. Историк предписывается не манипулировать историческими данными. Историк должен считаться с исторической информацией, в том числе с новой, и, учитывая ее, корректировать свои конструкции и выводы. И, наконец, историк непременно использует принятые в науке его времени методы, в то время как пропагандист опирается на подходы, характерные скорее для псевдонауки⁴.

Наконец, по наблюдениям Ю. Зарецкого, «немало историков сегодня остаются на позициях близких к тем, которые разделял Ранке, и не видят необходимости в дальнейшей теоретической рефлексии в отношении своего “ремесла”. Зачастую они даже считают ее вредной, ссылаясь на “эффект сороконожки” (одна сороконожка задумалась, с какой ноги ей пойти, и так никогда и не сдвинулась с места). Эти историки, как и раньше, воспринимают “источник” как подобие природного ключа, бьющего кристально чистой водой сведений о прошлом»⁵.

Старая традиция: едва упомянув Л. Ранке, нужно обязательно напомнить его знаменитое высказывание – пароль, боевой клич, клятву (Л. Февр). «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача – лишь показать, как все происходило на самом деле (*wiees eigentlich gewesen*)» (из введения к «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 гг.», 1824).

Конечно, это слова историка, согласного с существенными положениями позитивизма. Но полностью отождествлять с ним историческое миросозерцание Л. Ранке ошибочно.

Позитивизм содействовал устранению преград между историческим и естественнонаучным познанием, что объективно влекло за собой расширение источников исторического познания, в то время как у Л. Ранке эмпирическая база исследования по существу сводилась к корпусу архивных по преимуществу документов. Антропологический подход «Анналов» не вел к ограничению информационных ресурсов историка «следами» от деятельности человека – письменными или вещественными источниками, – напротив.

Л. Февр писал, что знаменитая формула Л. Ранке «противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. Она предполагала тесную связь между историей и письменностью – и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся исследованиями доисторического периода, – как показательно само это название! – старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории... Рождалась гуманитарная география; она привлекала внимание молодых ученых, тотчас же обращавшихся к реальным и конкретным исследованиям, благодаря которым в затхлую атмосферу аудиторий словно бы вторгались небеса и воды, леса и деревни – словом, вся живая природа. “Историю изучают при помощи текстов” – достаточно принять эту формулу, чтобы разом покончить с тщательным наблюдением над различными ландшафтами, с тонким пониманием ближних и дальних географических связей, с изучением следов, оставленных на очеловеченной земле упорным трудом многих поколений, начиная с людей эпохи неолита, которые, отделяя то, что должно остаться лесом, от того, чему суждено превратиться в пашню, устанавливали на грядущие времена первые исторически известные типы первобытных человеческих организаций». И в другом месте: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия»⁶.

Но ведь «Анналы», и не только они, а список их сторонников в данном отношении весьма внушителен, как раз имели в виду расширение информационных ресурсов исторической науки не только за счет «культурных объектов», что понятно, но, если угодно, «объектов некультурных», объектов природы. Ф. Бродель писал: «Люсьен Февр говорил: История – это человек. Я говорю несколько иначе: “История – это человек, и всё остальное: почва, климат, геологические движения”»⁷.

Именно «всё остальное» может быть и представлено в качестве исторических источников – объектов природы, и не дополнительно, но на равных правах с «культурными объектами».

Добавим, впрочем, что «некультурные объекты» непреработанной человеком природной среды в результате их изучения с точки зрения исторического значения, пройдя этап языковой интерпретации, становятся и в самом деле итогом работы исследователя: экспедиционные отчеты, записи наблюдений, зафиксированные результаты биохимического, дендрологического анализа, применения радиоуглеродного метода и т. д., т. е. превращаются в «культурный объект».

О.М. Медушевская, как известно, настаивала на понимании источника как культурного объекта (в отличие от С.О. Шмидта, убежденного в насущной необходимости его расширительной трактовки). Обращая внимание на системный характер «общего объекта естественных и гуманитарных наук – мирового целого, междисциплинарного взаимодействия этих наук», О.М. Медушевская полагала, что это взаимодействие осуществляется на общей основе, а им является «источник как реальный культурный объект, который рассматривают со своих предметных позиций естественные и гуманитарные науки. В этом случае источники, созданные людьми, выступают как объект, который содержит информационный потенциал для изучения природы (историческая география, историческая картография, история наук) и проблематики взаимодействия природных сил и человеческой деятельности»⁸.

Но приведем куда более близкий нам пример верности столетней традиции – связи понятия «исторический источник» исключительно с культурно-исторической деятельностью человека. И по аналогии назовем это «казусом» А.С. Лаппо-Данилевского.

Автор «Методологии истории» был безусловным и последовательным сторонником И.Г. Дройзена (согласно которому исторический источник «лишь то, чему человеческий дух и человеческий смысл придали форму, в чем они отпечатались, чего они коснулись, лишь человеческий след может получить значение исторического материала») и Э. Бернгейма («Источники суть результаты человеческих деятельностей, или непосредственно служащие или все же через посредство собственного существования, возникновения и в других отношениях преимущественно пригодные для познания или для доказательства исторических фактов») ⁹.

Между природой и культурой, «произведениями природы» и «произведениями человека» существует непреодолимое различие, убежден автор «Методологии истории»:

Произведение природы – результат действия «сил природы»; мы построим действия их на основании принципа причинно-следственности и представляем себе такие силы действующими по законам

механики, физики и т. п. «Произведение человека» – объект, рассматриваемый с точки зрения причинно-следственности в психологическом смысле. В самом деле, «произведение человека» – результат его деятельности; но последняя строится ученым не без помощи психологии: он объясняет ее наличием не одних только физических, но и психических факторов, порождающих данный результат; наиболее характерной особенностью последнего, он, очевидно, признает то, что такой результат всегда представляется ему и психическим продуктом; он приходит к заключению, что психические факторы, в комбинации с физическими, вызвали данный результат и могут обнаруживаться в нем; в той мере, в какой он признает, что такие факторы запечатлелись в нем, он и называет его психическим продуктом. С указанной точки зрения историк отличает произведения природы от произведений человека, хотя не всегда ясно сознает делаемую им предпосылку.

Объект изучения естественных наук – природа, объект изучения истории – результаты деятельности людей. За пределами человека и человеческой психики исторический материал отсутствует. Отсюда не менее знаменитая, чем принадлежащая Л. Ранке, правда, только в русской историографии, формула: «...Исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹⁰.

Исключив «произведения природы» из сферы познавательных интересов историка, А.С. Лаппо-Данилевский опасался, однако, что некоторые из историков могут нарушить выработанное им общее правило и подведут под понятие «исторический источник» явления «природы», воспользуются знанием о них для построения некогда бывшей исторической действительности.

С интересующей нас точки зрения рассуждение подобного рода нельзя, однако, признать методологически правильным: явления природы, если угодно, могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка; естествовед изучает их и заключает о возможности действия в прошлое время тех же факторов, которые действуют и на его глазах, а историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности; то же замечание можно, конечно, высказать и о выводах психолога, которые принимаются во внимание историком, и т. п.¹¹

Понятно, что все эти рассуждения – об «историческом источнике» вообще. Он существует вне конкретного времени, вне определенного пространства, превращается в абстракцию, пустую матрицу, которая если и наполняется, то от случая к случаю, и по

большей части подходящими «примерами». В этом искусственном мире создаются конструкции, освобожденные от так дорогих уму и сердцу практикующего историка подробностей, деталей.

Но «спустившись с небес на землю» исторический источник возвращается в мир исторической и историографической действительности существенно обогатившимся. Он обретает новые важные свойства обновленной реальности. Именно поэтому так значимы методологические опыты столетней давности. Они позволяют создать внятную картину движения исторической мысли и исторических понятий в «старых», как будто изживших себя научных парадигмах и социально-исторической среде, определить как ее метафизическую составляющую, так и преходящий характер доктринальных установок современности. Но они не могут служить «руководством к действию» практикующего историка, который в зависимости от избранной им проблематики может и в самом деле, повторим вслед за Л. Февром, «собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность».

Именно история поисков, открытий и заблуждений, в том числе и прежде всего в литературе, в некотором роде ставшей классической, позволяет трезво оценить современную историографическую ситуацию и в вопросах теории, и в оценке практических результатов исследовательского труда как неизбежно носящих временный характер перед лицом параллельного с историческим движением историко-познавательного процесса.

Постоянное переосмысление информации, содержащейся в источнике, его переоткрытие, а вслед за этим переопределение и самого понятия, во многом обусловлено не только развитием теории, методов исторического исследования, но прежде всего, во всяком случае, не в последнюю очередь, новыми подходами, новой проблематикой реальной историографии. Она может быть не только «воспоминанием», по разным причинам не реализованной прежде возможностью, но и ответом на вызов современности или разрешением внутринаучных противоречий. Классическая история может включать в собственную историю предысторию научных направлений, отчетливо в данный момент не проявляющихся, но зреющих в ней, вмещающих себя, например, в формы других, уже утвердившихся исторических дисциплин. Именно реальная историография определяет, что именно в данной историографической ситуации включается в понятие «исторический источник» и составляет ее информационный ресурс.

Тут «интересы» теории и практики историописания совпадают, если теория не удовлетворится однажды открытыми формулами, которые кажутся ей конечными, а практика не послушно понесет

свои дары на привычный алтарь, а решительно раздвинет предметные поля исследования.

Например, так, как однажды это сделал автор «Крестьян Лангедока»: «Я временно прекратил изучение истории человечества и на некоторое время стал историком, для которого человек перестал быть центром внимания». Историк, написавший историю климата за 1000 лет, Э. Ле Руа Ладюри, сожалел, что историки интересуются лишь историей человечества, полагая, что изучение явлений природы не дело гуманитарных наук, и даже в некотором отношении занятие для них недостойное. Ученик Ф. Броделя, он даже утверждал, что «превратить историка в специалиста в области гуманитарных наук, значит, искалечить его», а однажды призвал: «Давайте-ка изучать историю без людей». Историки – люди Времени, и они по большей части антропофаги. Но природно-географическая среда – функция времени; изменяясь, преобразовываясь людьми, она становится объектом истории. Исторические источники/продукты человеческой культуры фиксируют эти изменения. Но исторические эпохи представлены и данными естественно-природного происхождения. И это тоже исторические источники – фундамент именно исторического исследования. В этом историческом исследовании нет мелочей и все важно – метеорологические наблюдения, фенологические и гляциологические тексты, суждения о климатических событиях, данные дендрологов, палинологов и пр. Ладюри продолжил:

Могут возразить, что этот вид исследования, категории документов и методы сами по себе не относятся непосредственно к истории человечества, а представляют интерес для некоей истории физической, истории природных условий. Не рискует ли историк, настойчиво пытающийся применять указанные методы, изменить той миссии, которую ему предназначал Марк Блок: «За впечатляющими штрихами пейзажа, за самыми с виду бесстрастными сочинениями... историк хочет в первую очередь видеть людей. Тот, кому это не удастся, будет в лучшем случае лишь показывать свою эрудицию. Хороший историк похож на людоеда из легенды. Если он чует запах человеческого мяса, он знает, что это по его части».

Хорошо сказано. Но не буду отрицать, что эта мысль (при всем моем огромном уважении к Марку Блоку) всегда казалась мне слишком ограниченной, не соответствующей истинно научному мышлению. Разве время не опередило греческих философов и физиков, утверждавших, что человек – «центр вселенной» и «мера всех вещей»? Ведь после досократовского периода и Птолемея появились революционные идеи Коперника¹².

Более полувека назад известный английский физик и писатель Ч.П. Сноу выступил с докладом «Две культуры», вызвавшим неподдельный интерес в научном сообществе и во многом предопределившим развитие интеллектуальных контактов между представителями т. н. художественной интеллигенции, гуманитарных и социальных наук и учеными, работающими в сфере естественнонаучного знания. Ученый с тревогой констатировал существующий и расширяющийся разрыв между художественной и научной интеллигенцией, представителями естественных и гуманитарных наук. Ч.П. Сноу призвал деятелей двух культур сделать шаги к взаимопониманию, изменить существующее, как ему казалось, тревожное положение вещей. «Столкновение двух дисциплин, двух систем, двух культур, двух галактик – если не бояться зайти так далеко! – не может не высечь творческой искры. Как видно из истории интеллектуального развития человечества, такие искры действительно всегда вспыхивали там, где разрывались привычные связи»¹³.

Напомним, что в годы «оттепели» в нашей стране прошли бурные дискуссии о месте и роли в прогрессе «физиков» и «лириков». Они отразились в знаменитых строчках Б.А. Слуцкого, напечатанных в 1959 г., тогда же, когда состоялось выступление Ч.П. Сноу: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. Дело не в сухом расчете, дело в мировом законе». Итогом споров советских интеллигентов был вывод о том, что одинаково нужны и физики, и лирики. Но, кажется, о конвергенции, взаимопроникновении двух направлений научно-познавательной деятельности тогда речь не шла.

Одним из первых в отечественной историографии, кто в 60-е гг. прошлого века предложил включать в понятие исторического источника не только результаты «человеческой деятельности», но и естественно-географическую среду в самом широком понимании этого термина, был С.О. Шмидт. «Шкала ценности исторических источников», писал С.О. Шмидт, меняется: климат, ландшафт, природные катастрофы, животный мир, эпидемии не менее значительные источники информации, чем продукты человеческой деятельности. Сетую на игнорирование источников природного происхождения при изучении антропологически ориентированной истории, назревших вопросов взаимодействия общества и природы, С.О. Шмидт предлагал в первую очередь считать все, что источает или может источать информацию, источником исторической информации¹⁴.

Проводники новых направлений исторической науки, изучая историю взаимодействия между человеческой культурой и окружающей средой в прошлом, не могут рассматривать исторический

источник как продукт культуры в качестве единственного объекта научно-исторического освоения.

Антропологизация истории – это процесс вырастания человека из природы, становления его культуры, а изучение этого процесса основывается и на природе, и на культуре. Переход от «природы» к культуре связан с биологической эволюцией, эволюционной антропологией как наукой. Исследование этой взаимной связи на междисциплинарном уровне предполагает расширительное понимание основы практической историографии – исторического источника. Коль скоро изучается человек и природа, то может что-либо человеческое или природное быть за пределами исторического исследования? – таков риторический вопрос, который задают адепты экологической истории, истории взаимодействия Человека и Природы, природы и культуры во времени¹⁵.

Больше того, на современном, конечно, промежуточном этапе размышлений об историческом источнике О. Эксле предлагает вообще отказаться от этого понятия, «поскольку с ним до сих пор неизбежно и открыто связаны эмпиристские и метафизические эпистемологии», отказаться «от всякой иерархии и сегментирования исторического материала в пользу его свободного понимания»¹⁶. Творческая, интеллектуальная свобода историка не может быть стеснена вечным спором о понятиях. Работая с выявленными источниками исторической информации, природными и культурными, в соответствии с установками своего сознания, профессиональными качествами, проблематикой исследования, он принимает/отвергает, использует/игнорирует позитивный/негативный опыт, накопленный предшествующими поколениями. Междисциплинарные подходы, соответствующим образом сформулированные и реализованные, обеспечивают эффективность исследовательских практик.

Примечания

- ¹ *Williams R. Problems in Materialism and Culture: Selected Essays.* L.: Verso, 1980. P. 67.
- ² *Семенов Ю.И.* Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 35–36.
- ³ *Соколов А.К.* Введение // *Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология и практика.* М.: РОССПЭН, 2004. С. 7.
- ⁴ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // *Диалог со временем.* Вып. 18. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 75.

- ⁵ *Зарецкий Ю.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 45.
- ⁶ Цит. по: *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. С. 84.
- ⁷ *Moore J.* Capitalism as world-ecology: Braudel and Marx on environmental history // *Organization and Environment*. 2003. Vol. 16. № 4 (Dec). P. 431.
- ⁸ *Медушевская О.М.* Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 389.
- ⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. С. 36.
- ¹⁰ Там же. С. 34, 38.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² *Ладюри Э. Ле Руа.* История климата за 1000 лет. М., 1971. С. 18.
- ¹³ *Сноу Ч.-П.* Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.
- ¹⁴ См. цикл статей на эту тему в кн.: *Шмидт С.О.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
- ¹⁵ *Worster D.* The Ends of the Earth: Perspectives on Modern Environmental History. Cambridge, 1988. P. 306.
- ¹⁶ *Эксле О.Г.* Что такое исторический источник? // *Munuscula: К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича.* М., 2004. С. 154–181.